

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>
2017, Том 5, номер 1 (январь - февраль) <http://mir-nauki.com/vol5-1.html>
URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/54PSMN117.pdf>
Статья опубликована 18.03.2017

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сивишкина М.Е. Ориентировка в интимно-личных отношениях как предмет эмпирического психологического исследования // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/54PSMN117.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.95

Сивишкина Маргарита Евгеньевна

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия, Волгоград
Преподаватель кафедры «Психологии»
E-mail: sivmare@mail.ru

Ориентировка в интимно-личных отношениях как предмет эмпирического психологического исследования

Аннотация. В статье описывается подход к изучению ориентировки молодых людей студенческого возраста в сфере интимно-личных отношений. Обоснован и описан прием, названный культурной провокацией; предлагалось написать историю двух предметов. Анализировались тексты, полученные как ответы на этот неопределенный стимул: описания вещей или описания поведения и переживания одушевленных персонажей. Для анализа результатов применялся конструкт «утилитарно-вещное - ценностно-человеческое», в границах которого удалось обнаружить определенный спектр откликов и провести их экспертную оценку. Приведены примеры результатов, полученных в эмпирическом исследовании, и описательная статистика. Основным результатом исследования состоит в обнаружении, наряду со стереотипными образами отношений мужчины и женщины, оригинальных осознанно-рефлексивных ответов, проблематизирующих смысл отношений.

Ключевые слова: интимно-личные отношения; утилитарно-вещное; ценностно-человеческое; техника культурной провокации; номинативный контент-анализ; распределение по фабулам; любовь; дружба; отношения

Актуальность исследования ориентировки человека в сфере общения с другим человеком как партнером в интимно-личных отношениях определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, при несомненной важности этой стороны жизни и невозможности «алиби» по отношению к ней, она становится предметом исследования в основном в ситуации критического состояния. Исследований нормативного становления и культурных регуляторов интимно-личных отношений значительно меньше. Соответствующая этой сфере жизни нормативность определена и разработана в философской этике, но для психологического исследования необходим перевод этических представлений на язык теорий и понятий психологической науки и выбор эмпирически верифицируемых показателей. (Категории философской этики абсолютны и в эмпирической верификации не нуждаются).

Во-вторых, качество отношений явно или скрыто и опосредованно сказывается на протекании психических процессов и на результативности деятельности человека в областях, казалось бы, весьма далеких от проявлений интимности. При этом сами интимные отношения, влияя на жизнедеятельность человека в целом и на продуктивность отдельных видов деятельности, с понятием деятельности не ассоциируются, их построение категорией деятельности не описывается. Хотя, несомненно, в построении интимно-личных отношений представлены потребности, мотивы, акты целеполагания, ориентировочная сторона и «операционально-техническая» сторона, смысловая сторона и ритуализированная сторона, что позволяет соотносить эту сферу с категорией деятельности. Мы же полагаем, что ориентировка в интимно-личных отношениях - достойный предмет исследования в контексте деятельностной теории (в контексте идей А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина).

В-третьих, при несомненных фактах существенного влияния культуры на становление интимно-личной сферы жизни человека, начиная с ранних этапов онтогенеза и на протяжении всей его сознательной жизни, несмотря на прижизненность формирования ориентировки в этой сфере, несмотря на ее осознанность и произвольность, эта область почти не представлена в контексте культурно-исторической психологии. Изучение ее становления традиционно остается за рамками культурно-исторического и деятельностного подходов. А также - созданных на их основе теорий развития человека в онтогенезе. Разработанные в отечественной психологии периодизации общего психического развития и развития личности созданы в абстрагировании-отвлечении от половой принадлежности и гендерной идентичности развивающихся детей, подростков, юношей и девушек. (В определенной мере исключение может составлять теория развития субъективной реальности в онтогенезе, предложенная В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым [30], но в ней построение интимно-личной со-бытийности в юности и ранней молодости не стало специальным предметом).

В-четвертых, способность к установлению интимно-личных отношений, способы решения этой задачи, построение образов и эталонов самовосприятия и восприятия представителей другого пола, несомненно, влияют на успешность социализации и ролевой репертуар социального поведения. Но при этом социальная психология рассматривает процессы социализации и социального поведения, как правило, останавливаясь на фиксации гендерной принадлежности как данности. Собственное же понимание человеком своей гендерной роли, как и понимание культурных ресурсов и средств ее реализации - ее принятия, построения и исполнения - редко становятся предметом исследования.

До настоящего времени отношения полов изучались в относительно замкнутой области психологии, возникшей под влиянием ортодоксального психоанализа, или в области смежной с сексологией, а также в относительно самостоятельной сфере «психологии семьи». Работ, специально посвященных культурно-психологическому анализу этого предмета, на сегодняшний день немного, среди них работы Ю.П. Зинченко [13, 14], показывающие продуктивность обращения к культурно-исторической психологии при рассмотрении сфер жизни, связанных с сексуальностью и репродукцией.

Проблемная область нашего исследования заключается в следующем.

Интимно-личные отношения как высшие проявления психологической жизни человека, возникающие в ходе персоногенеза, рассматриваются нами в контексте «вершинной психологии» (термин Л.С. Выготского), а не в контекстах, определяемых сексологией и психоанализом. Исследование направлено не на построение типологии интимно-личных «сюжетов» и «портретирование» предполагаемых партнеров с точки зрения их совместимости, а на анализ исходных, базовых различительных конструкторов, которые, конкретизируясь в субъективном сознании (далеко не всегда посредством рефлексии, часто под влиянием стереотипов), определяют ориентацию в этой сфере отношений. В качестве такого базового

различительного конструкта мы использовали противопоставление: «утилитарно-вещное - ценностно-человеческое».

Этот конструкт был нами экстрагирован в результате обобщения работ И. Канта [15, 19], Г. Гегеля [7, 8], М. Бубера [3], К. Маркса [17] и Ф. Энгельса [35], Г. Маркузе [18], Э. Шострома [33], Э. Фромма [31, 32], С.Л. Рубинштейна [28] и А.С. Арсеньева [1]. В мировоззренческих системах этих авторитетных мыслителей, во-первых, ценностное основание отношения «человек - человек» полагается как залог собственно человеческой жизни, во-вторых, это отношение противопоставляется вещному, утилитарному, рыночному отношению одного человека к другому.

На представляемом здесь этапе исследования мы решали задачу психологической транскрипции этического императива, его перевода на язык психологии и построения условий экспликации субъективных ориентиров в интимно-личных отношениях. Для этого была привлечена идея культурного опосредствования [5, 6] и идея субъектности [10, 11, 12, 34] - базовые концепты культурно-исторической психологии. Для экспликации средств ориентировки респондентов в интересующей нас сфере была использована **техника культурной провокации**: введение в ситуацию исследования стимулов-средств (термин Л.С. Выготского [5]) различной культурно-символической «нагруженности» по нашему предположению должно было спровоцировать экстериоризацию субъективно значимых ориентиров.

Поиск таких стимулов-средств и интерпретация-верификация полученных откликов - основная задача нашего исследования.

Техника культурной провокации «Два предмета»

Выбирая исследовательский прием, мы ориентировались на представления Л.С. Выготского [5, 6] об объективирующем методе и на представления С.Л. Рубинштейна [27] о таком методе, который он определял как метод демаскировки.

Метод Л.С. Выготского предполагает использование культурных медиаторов для решения задачи - построения ориентировки в заданных условиях - и процесс управляемого перехода от непосредственного решения к решению опосредствованному - принятию медиаторов как средств решения. В нашей работе ввиду специфики предмета исследования и условий проведения этот подход применялся редуцировано. Мы сразу же вводили неоднозначные стимулы, предоставляя испытуемым самим выбирать - использовать их натурально или инструментально, как данность или как повод для рефлексии, относиться к ним непосредственно или представлять сквозь них иное содержание, используя их как материал метафор.

С.Л. Рубинштейн, говоря о методе демаскировки, полагал, что содержание сознания человека можно выявить, включая образы сознания во все новые связи и отношения и тем самым как бы поворачивая это содержание каждый раз новой стороной [27]. В нашей работе такое «поворачивание» задавалось использованием взаимодополнительных техник, предполагавших включение представлений респондентов в различные ассоциативные контексты и тем самым - в различные связи и отношения.

В этой статье мы представляем результаты применения только одной техники - «Два предмета». (То, какие результаты удалось получить посредством других техник, отчасти представлено в предшествующей публикации [29]).

Респондентам предлагалось написать историю о том, что может произойти с двумя хорошо знакомыми предметами. Более *инструкция никак не комментировалась и не*

уточнялась. Мы предполагали, что неопределенность стимула и низкая интервентность техники позволят получить некоторый диапазон фабул, в которых, кроме прочего, будет представлена и тема интимно-личных отношений.

Для нас было важно, в каком направлении будут ориентированы ассоциации, и что составит основную интригу текстов. Интерпретацию стимула, его превращение в фабулу мы условно назвали «транскрипцией», понимая под этим перевод задания в форму его субъективного осмысления респондентом. При этом мы предполагали, что поскольку построение интимно-личных отношений входит в актуальную возрастную задачу [16, 30, 36] наших респондентов, вероятность развития темы в этом направлении достаточно высока, чтобы предложение написать такую историю сработало как культурная провокация. Тем более что другие варианты этой техники уже были апробированы в работах коллег [20, 21, 24, 25] и в наших предшествующих исследованиях [22, 23, 29]. В исследовании А.М. Медведева [20] и в его работе, выполненной совместно с И.С. Судьиной [24, 25], где респондентам-подросткам и респондентам-студентам предлагалось представить историю одного «условно одушевленного предмета», в значительном числе случаев авторами-респондентами вводился второй персонаж и описывались события их дружбы или романтических отношений. Это позволяло нам предполагать, что предложение написать историю сразу двух предметов будет также ассоциироваться с романтическими отношениями персонажей. Использование в качестве исходного стимула истории о двух предметах - *провокация выбора*: представить предметы как вещи, объекты или, напротив, как одушевленные и свободные существа, как образы живых субъектов; окоснить их или оживить [34, с. 129].

Для анализа результатов мы прибегли к предварительной независимой экспертной оценке всего массива полученных текстов с тем, чтобы снизить влияние наших собственных исследовательских и личных установок и в то же время уточнить, находит ли свою эмпирическую верификацию наше априорное расчленение ситуации посредством конструкта «вещное - человеческое». Применяя прием экспертной оценки, мы ориентировались как на прототип на исследование К.А. Бочавера [2].

В качестве экспертов были приглашены преподаватели, выпускники и аспиранты кафедр психологии волгоградских и московских вузов - 18 человек. Мы просили их дифференцировать все тексты, разделить их на группы и дать каждой группе обобщенное определение.

Рассмотрев критерии различения текстов, предложенные экспертами, мы в свою очередь разделили эти критерии на **категориальные** и **сюжетно-фабульные**, найдя для этого основания в предложенных экспертами типологиях: семеро из них (шестеро мужчин и одна женщина) построили категориальные критерии, девять человек (семь из которых женщины) предложили распределение по фабулам. Двое экспертов (мужчина и женщина) предложили слишком формальные и множественные основания, принципиально отличающиеся от всех остальных и не согласующиеся с нашим видением проблемы, они не были нами приняты.

Распределение текстов по категориям

Категориальные критерии основывались на понимании того, что лежит в *принципиальном основании взаимодействия* предметов - это предметы обихода, элементы интерьера, а может быть, влюбленные персонажи, у которых «все как у людей», или же персонажи, переживающие и рефлектирующие, ищущие субъективно-индивидуальные основания отношений. Такое распределение отвечало на вопрос «кто они?» - вещи, друзья, враги, любовники, супруги. А, может быть, рефлексивные одиночки-интроверты.

При некотором расхождении в категоризации эксперты предложили несколько схожих или синонимичных категорий.

Расхождение в предложенных экспертами категориальных критериях относилось к дробности категорий. Мы выбрали наиболее обобщенные, под которые эти дробные могли быть подведены. В результате в границах конструкта «вещное - человеческое» определились некоторые градации:

- вещно-натуралистическая транскрипция;
- функциональная совместимость персонажей и поиск конгруэнтности;
- «рыночная» транскрипция;
- интимно-личные отношения: стереотипы и клише обыденного сознания;
- отношения «человек - человек»: интимно-личные отношения в их переживании и рефлексии.

Эти категории легли в основу проведенного нами и вновь подтвержденного экспертами **номинативного контент-анализа**.

Распределение текстов по фабулам

Под фабулой обычно понимается цепь фактов, включенных в повествование, *чередой событий и действий, закономерно приводящая к определенному финалу*. Для нас, по формуле, предложенной П.Г. Нежновым и Б.Д. Элькониным «чем история завершается, то в ней и совершается» [26, с. 26], наиболее показателен был именно финал истории. Если распределение по категориям отвечало на вопрос «кто они?», то распределение по фабулам предполагало ответ на вопрос «что происходит и к чему это приводит?».

В текстах вычитываются следующие фабулы:

- любовь: счастливый финал;
- любовь: трагический финал;
- любовь как проблема: открытый финал;
- одиночество;
- дружба (установление дружеских отношений в финале истории);
- разлука.

Эти варианты стали основой **сюжетно-фабульного контент-анализа**, посредством которого определялась интенциональность субъективного отношения респондента к теме. Номинативный анализ и сюжетно-фабульный анализ были взаимодополнительными и их результаты подтверждались соответственно теми экспертами, которые выбрали первое или второе основание. В итоге контент-анализа мы выявляли сочетания-пересечения категорий и фабул, относя тексты к группам, определяемым как категорией, так и фабулой, их «пересечением».

В качестве респондентов были приглашены студенты Волгоградского филиала РАНХиГС, обучающиеся на первом и втором курсе по различным специальностям, всего 428 человек, 268 человек в женской группе и 160 человек в мужской группе.

Результаты исследования

Предполагалось различие двух направлений, в которых могло происходить транскрибирование неструктурированного стимула. В данном контексте под транскрибированием мы понимаем то направление ассоциаций, которое провоцируется и «запускается» неоднозначностью стимула. Эти направления соотносились с концептом «утилитарно-вещное - ценностно-человеческое». Предложение написать историю о двух предметах могло вызывать ассоциации с натурально-предметными образами (образами знакомых вещей) или с образами взаимодействия двух одушевленных персонажей.

В первом случае предметы сами по себе действовать не могут и то, что с ними происходит - следствие внешнего воздействия или обстоятельств. Искомое нами психологического содержания здесь нет.

Во втором случае одушевленные персонажи могут быть как подчиненными внешним обстоятельствам, так и автономными, т.е. подчиняться внешней детерминации или, напротив, действовать в соответствии с собственными мотивами и ценностными установками. Между этими полюсами предполагался некоторый спектр возможных вариантов. Именно эта группа текстов, в которых предметы представлялись персонажами, стала основным материалом для анализа.

Начнем с анализа материалов по категориям, приводя краткую характеристику категорий и, соответственно, отнесенные к ним примеры текстов респондентов. Затем представим распределение текстов по фабулам.

Вещно-натуралистическая транскрипция. Предметы представлены *натуралистично*, как вещи. Описаны ситуации, которые можно наблюдать непосредственно или нетрудно представить, не строя сколь-нибудь разработанной метафорической фабулы.

Ручка писала на листочке. (М., 18).

Карандаш и ластик на конце. (М., 19).

Стол и стул. Они всегда рядом (М., 18).

В ответах, отнесенных к этой категории, предложение написать историю предметов не ассоциировалось с человеческими отношениями. Взаимодействие предметов могло и вовсе отсутствовать, они могли просто находиться рядом, как бы в одном перцептивном поле.

Тексты, отнесенные к этой категории (26 текстов из 428-и - 6,1%), с темой нашего исследования не связаны и в дальнейшем - при анализе фабул - нами не рассматривались и не учитывались.

Тексты, отнесенные к четырем следующим категориям, содержали искомую транскрипцию: предметы в них одушевлены и превращены в персонажи.

Функциональная совместимость персонажей и поиск конгруэнтности - взаимодействие констатируется, но не переживается персонажами как интимно-личное. Для текстов этой группы характерны две темы:

- предметы представлены своей функциональной сопряженностью - они связаны общей функцией, выполнение которой и составляет смысл текста;

- предметы вступают в отношения дружбы/соперничества, и динамика этих отношений приводит их к согласию.

В текстах эти темы представлены либо как отдельные, либо, что чаще, в сопряжении - дружба как соорганизованность в общем деле.

Жили-были спичка и зажигалка. И всегда они спорили, кто лучше и больше пользы приносит. Спичка при дожде и ветре, а для зажигалки нужен бензин. (М., 18).

В ванной, на полочке лежали зубная паста и зубная щетка, они не могли друг без друга, т.к. в одиночестве они не могли выполнять то дело, для кот. они были предназначены, т.е. чистить зубы. (Ж., 17).

Жила-была на свете губка для чистки обуви. Жила она сама по себе, одна. Пока не повстречала она на пути красивые-красивые сапожки. Они долго и верно друг другу служили. Губка начищала сапожки каждый вечер, а они ей в ответ мило блестяли. Но ничто не вечно под луной, сапожки изнасились, а губка истрепалась. Конец. (Ж., 18).

Как-то в пенале поспорили ручка и карандаш, кто из них важнее?

Ручка утверждала, что она важнее:

- Мною делают записи в тетрадках, в учебе я незаменима.

- Ха! - ответил карандаш - Замена тебе найдется, и ею являюсь я!

Спор продолжается по сей день. (Ж., 18).

Книга и журнал. Однажды спорили книга и журнал о том, кто из них более полезен. Книга говорила, что в ней отражены прошлые истории столетий, много полезной информации, ее изобрели давно, а что журнал? Журнал это современность, направление вперед, отражение современной моды и культуры, современных советов, кот необходимы многим. Спорили они долго и так ни к чему и не пришли, так как в нашем мире важны они оба. (Ж., 18).

В этих текстах представлена «функциональная фиксированность опыта» (К. Дункер [9], Б.Д. Эльконин [34]) - предметы действуют и взаимодействуют по своему назначению. В некоторых из этих текстов такая «функциональная фиксированность» предстает в социально-психологическом контексте «дружбы для общего дела». Переживание собственно интимно-личного в отношениях не представлено, хотя есть сюжеты, авторы которых приближаются к этой теме.

Однажды случилась забавная история. В магазине часов случился пожар, и вещи, находящиеся в нем, забрали в добрые руки. Но были там одни часики в виде 2-х деток: мальчика и девочка. Так случилось, что их разлучили. Они перестали работать. Через некоторое время, они вновь соединились в мастерской и вновь заработали. Идея такова: не теряйте своих близких. (Ж., 19).

В целом эта группа текстов содержит проекции дружески-деловых отношений или соперничества - отношений партнерства/конкуренции. Транскрибирование стимула в этом направлении, актуализация ассоциации «там, где двое - там дружба» показывает, что эта тема, более характерная для подросткового возраста, сохраняет свое значение и в юношеском периоде, к которому относится возраст респондентов. Тема дружбы была представлена как преобладающая в текстах как женской, так и мужской группы респондентов, что было отмечено нами в дальнейшем при анализе распределения текстов по фабулам.

Истории, отнесенные к этой группе (их 204 - 47,7% от общего числа), в подавляющем большинстве основаны на концепте функциональной совместимости или на концепте конкуренции в выполнении функции. Но в некоторых текстах этой группы персонажи сами осознавали, что им лучше сменить конкуренцию и противостояние на партнерские отношения. Число таких текстов незначительно (12 из 204-х в группе), в большинстве «хороших» случаев отношения сразу же были представлены как партнерские или переход к ним происходил как бы автоматически.

«Рыночная» транскрипция. Предметы были представлены не только своей функциональной стороной, но и с точки зрения потребительной, «рыночной» стоимости, для которой важен бренд, фирменное происхождение, конкурентоспособность. Отношения персонажей были построены на маркетинговой (в обобщенном понимании Э. Фромма [31, 32]) основе, исходя из полезности, социальной и материальной значимости.

Жила-была 1000-я купюра. Любила она другую 1000-ю купюру. В один день они поженились и образовали 1000000. (Ж., 18).

Девушка пошла в ТЦ, чтобы купить себе сумку. Сумок было много. Но ничего ей не подходило. Roberto Cavalli не подходила к фигуре. Louis Vuitton не походила к сапогам. Marc Jacobs не подходила к куртке и выглядела слишком агрессивно, Versace, судя по всему, была вовсе и не Versace.

И тогда девушка поняла, что никогда не выберет себе сумку. Потому что сумка должна подходить не к сапогам и не к куртке. Сумка должна подходить к кошельку, точнее к тому, что в нем лежит. В этом мудрость жизни.

Сумка и кошелек, кошелек и банковская карта в нем. Они такие разные, но так хорошо, когда живут вместе и подходят друг другу. (Ж., 21).

Sim-карта создана так, чтобы быть универсальной. Подходит она и к дешевеньким Samsungам, и к другой отживающей свой век рухляди. Но это не круто. Стоит попасть в распоряжение такой дешевки, считай - пропала. В что-то престижное тебя уже не переставят или ждать придется полжизни («когда оно придет - твое мгновение?!»). Лучше сразу так обломаться под микро- или нано-, чтобы тебя поглотил какой-нибудь iPhone или iPad. (Ж., 20).

В витрине магазина красовались туфли Baldini, гордо демонстрируя свое «резюме» с кратким итогом - всего-то 22999 р. Рядом бочком притулились Ressonny - 6210 р., и при этом ничуть не хуже. Вот только подсветка вся была на стороне Baldini, их покупали. А Ressonny только уценивали, пока не надоело. Оставили ценник и махнули рукой.

Вывод: неважно, что ты собой представляешь, не важно сколько ты стоишь, важно как тебя освещают (Ж., 20).

В текстах этой группы (их 18 - 4,2% от общего числа) основой содержания стали стоимость и стоимостный эквивалент предметов или «резюме» их полезных качеств-свойств и достоинств, а не их функциональная совместимость сама по себе. Если общая функция и рассматривалась, то тоже в контексте маркетингового значения и назначения. Ассоциации с интимно-личными отношениями опосредствованы - как в истории двух купюр - идеей общего «повышения в цене» и, тем самым, достижения успеха.

Интимно-личные отношения: стереотипы и клише обыденного сознания. Исходный стимул прямо транскрибировался в тему интимно-личных отношений, и эти отношения были представлены своими актуальными аспектами, в том их понимании, которое определяется стереотипами обыденного сознания.

В этой группе (101 текст - 23,6%) встречаются темы разлуки и встречи; измены и ревности; неравенства, несимметричности отношений и проблемы манипуляции, эгоизма и предательства. При этом в текстах есть только фиксация проблемы, и нет ни ее интерпретации, ни описания переживаний персонажей, либо описание переживаний редуцировано («они были счастливы», «не смог пережить»). Детерминанты ситуации отношений внешние - судьба, предопределенность, предпрешенность, «все как у людей», «все как в жизни», что предопределяется использованием клише и стереотипов.

Жили-были не тужили, книга и карандаш. Карандаш день ото дня подчеркивая в книге все самое главное. Книга была очень счастлива. Но однажды, карандаш просто исчез, ничего не объяснив. Книга долго мучилась, пылилась на полке, все эти линии напоминали о карандаше. Прошло пару лет и книга снова расцвела, т.к. у нее появился новый карандаш, который выделял уже совсем другие главные части. (Ж., 18).

Жили-были карандаш и ластик. Карандаш очень любил ластик и специально делал ошибки, чтобы чаще встречаться с ластиком. Но однажды ластик стерся. Совсем. Потому, что карандаш сильно соскучился по ластик и наделал слишком много ошибок. Карандаш не смог пережить этого и сломался. (Ж., 19).

Жили-были карандаш и резинка. Жили они дружно. Дружили друг с другом, помогали всегда. Любая беда у них решалась на раз потому, что они были вместе. Но ведь всему есть конец, как говорил знаменитый философ, и в один день они поссорились из-за мелочи, которая затронула достоинства резинки. Карандаш понял, что он затронул чувства резинки, но было уже поздно. Заканчивая, я хочу сказать, что за каждый поступок мы в ответе! (М., 18).

Эта история о ручке и листе бумаги. Ручка и бумага всегда рядом, они взаимосвязаны. Когда ручка пишет по бумаге, она может написать все что угодно, все мысли, проблемы, переживания, которые испытывает, и никто как лист белоснежной бумаги ее не поймет. Ручка может быть черной, синей, красной и т.д. это не важно, ведь мысли этот цвет ручки не изменится.

Листку бумаги приходится принимать, выслушивать все что скажет, напишет ручка. Лист здесь в роли бескорыстного, щедрого друга, который всегда выслушивает и поймет, никогда не требуя ничего взамен. Ручка же наоборот выступает в роли эгоиста, которая только получает от листа и ничего не дает взамен. (М., 19).

Тексты, собранные в эту группу, объединяет использование стереотипных образов отношений и клишезированных положений персонажей:

- декларация «быть в ответе за каждый поступок»;
- несимметричность отношений и эгоизм одного из партнеров;
- раскрытый обман и разочарование;
- разбитое, раненое сердце, вылеченное любовью.

Во всех этих вариантах категории оценки предпосланы, предзаданы, а не строятся персонажами, что позволило нам, как уже отмечалось, определить эти варианты как стереотипные.

Отношения «человек - человек»: *интимно-личные отношения в их переживании и рефлексии.* Стимул транскрибировался в обсуждение экзистенциальных проблем - любви и смерти, растворения в любви, угрозы потери идентичности, поиска смысла интимных отношений. Таких историй относительно немного - 40 текстов, 9,3% от общего числа.

Жил-был ноль. И была его жизнь в царстве цифр очень грустна и одинока, потому, что в отношения деления и умножения с ним никто не вступал. И думал, ноль, что жизнь его так и останется одинокой и грустной без друзей цифр. Но тут вдруг он повстречал числовую прямую, который не хватало одной цифры (и мы знаем какой). Были цифры отрицательные и положительные, но все было в беспорядке, за 1 следовало 20, далее 100. Числовая прямая уже давно пыталась поставить их по порядку и правильно, но ей это не удавалось. И вот вдруг ей встретился грустный ноль. И она поняла кого ей не хватало, как только ноль встал посередине всех цифр, числовая прямая сразу выставила цифры в правильный ряд. С тех пор у ноля появились новые друзья и числовая прямая его всегда подбадривала и помогала ему (познакомила с графиком) (М., 18).

Эта история о ручке и листе бумаги. Ручка и бумага всегда рядом, они взаимосвязаны. Когда ручка пишет по бумаге, она может написать все что угодно, все мысли, проблемы, переживания, которые испытывает, и никто как лист белоснежной бумаги ее не поймет. Ручка может быть черной, синей, красной и т.д. это не важно, ведь суть мысли этот цвет ручки не изменит.

Листку бумаги приходится принимать, выслушивать все что скажет, напишет ручка. Лист здесь в роли бескорыстного, щедрого друга, который всегда выслушивает и поймет, никогда не требуя ничего взамен. Ручка же наоборот выступает в роли эгоиста, которая только получает от листа и ничего не дает взамен. (А может и дает? Ведь без нее он так и остался бы чистым и пустым...) (М., 19).

Доска и мел. История любви. Каждый из них создан друг для друга. Мел умеет и может писать на всем, но больше всего он любит писать на ней. Так он чувствует себя лучше всего,

вычерчивает ровные, однородные, красивые линии. Она доброжелательна и ждет только его, она не позволяет писать на себе никому другому. Она создана ради и для него. Любовь - высокое чувство, требующее жертв. Мел при каждой встрече со своей возлюбленной отдает частичку себя, он жертвует своим телом, лишь бы побыть с ней вместе. А она позволяет ему писать на ней и наслаждается над этим, она любит его, но не может выносить то, что он оставляет частичку себя на ней, она жертвует собой ради него, позволяя заполнить себя красивыми линиями (М., 19).

Он сидел напротив и смотрел на нее.

- Неужели ты ничего не чувствуешь ко мне? Мои поступки перестали вызывать у тебя ревность! Мои действия не пронизывают твоё тело прежними глубинными эмоциями?... Что я сделал не так?
- Глупенький... Я перестала ревновать тебя, зная о твоей верности, я чувствую тебя частичкой себя. Я знаю все о твоих намерениях и мысли как свои... А как может человек не доверять своим мыслям и не ощущать своих эмоций?
- Мы теперь предельно согласованы. Синхронны и конгруэнтны... А, помнишь, было время, когда правая не знала, что творит левая и было нелепо и смешно... А теперь все стереотипно и скучно...

Эта история о руках человека (Ж., 19).

В параллельной вселенной существовала жизнь. Жизнь всех тех предметов, которые на планете Земля были все неодушевленные. Там существовали деревья, камни, которые проживали свою каменную жизнь. У всех этих предметов так же существовали чувства, они могли разговаривать между собой. Также существовала любовь, но любовь между однородными предметами потому, что они могли разговаривать, понимать друг друга. Все остальное считалось абсурдным. Но также бывают исключения, и в один день дерево и камень полюбили друг друга, просто они это почувствовали, но сказать этого не могли. Тем не менее они понимали друг друга без слов, одним лишь взглядом, и так было на протяжении их неземной жизни. Это история говорит о том, что, если вы совершенно разные, у вас разные социальные роли и статусы, кажется, что весь мир против вас, и что никто не понимает и это не повод не любить и скрывать свои чувства (Ж., 17).

В текстах, отнесенных нами к этой группе, представлен поиск *внутренних оснований взаимодействия и поиск средств противостояния внешним влияниям и вторжениям*. Здесь, выражаясь словами С.Л. Рубинштейна, внешние причины действуют через внутренние условия, а эти внутренние условия - ценностно-смысловые ориентиры авторов-респондентов, находящиеся в фокусе их рефлексии.

Распределение текстов по категориям дано в таблице 1, где оно соответствует столбцам таблицы.

При использовании этой проективной техники подавляющее большинство респондентов (около половины от общего числа - 204 текстов, 47,7%) представили истории двух предметов, соотносимые с поиском или наличием совместимости-конгруэнтности, а также с темой дружбы. Тема интимно-личных отношений, романтической симпатии и любви в вариантах стереотипных описаний представлена примерно в четверти рассмотренных текстов (101 текст, 23,6%). Отношения персонажей, представленные в контексте экзистенциальных проблем

(«человек - человек»), мы обнаружили в 40 текстах (9,3% от их общего числа) - это несколько больше по сравнению с темой утилитарных, рыночных отношений (18 текстов, 4,2%), которая также себя обнаружила.

Общее число текстов, относящихся к проблематике человеческих отношений, текстов, в которых предметы стали персонажами, строящими и оценивающими отношения друг к другу, или получающими авторскую оценку, - 363, что составило 84,8% от общего числа историй.

За границами этой группы мы сразу же оставили натурально-вещные описания, а по ходу рассмотрения и те, которые не могли быть подведены ни под одну из категорий отношений персонажей (всего 39 историй), собрав их в группу «Другое».

При анализе историй мы соотнесли женскую и мужскую группы. Результаты представлены таблицами 2 и 3.

Наиболее распространенными в женской группе предстали тема совместимости (40,3%) и тема интимно-личных отношений в ее стереотипном оформлении (32,5%).

В мужской группе с большим отрывом лидируют тексты, относящаяся к категории «функциональная совместимость и поиск конгруэнтности» (60,6%), за которой следуют группа «отношения “человек - человек” в их переживании и рефлексии» (10,6%) и группа «интимно-личные отношения: стереотипы и клише обыденного сознания» (8,1%).

В мужской группе значительно ниже доля респондентов, у которых история двух предметов спровоцировала ассоциации с интимно-личными отношениями - 13 человек, 8,1% от числа респондентов в этой группе против 87 человек, 32,5% в женской группе. В границах мужской группы преобладает транскрипция стимула в историю отношений совместимости и конгруэнтности, когда в основе истории «выяснение отношений» персонажей вокруг тем дружбы, взаимной поддержки, взаимовыручки, или, напротив - предательства, нарушения кодекса дружбы-партнерства. Часть текстов, отнесенных к категории «человек - человек» также построена на тематике дружеских отношений, предметы в них не характеризуются гендерной принадлежностью.

Респонденты, которые построили транскрипцию истории двух предметов в историю отношений персонажей, напомним, - 230 человек (85,8%) в женской группе и 133 человека (83,1%) в мужской (указаны проценты не от всей выборки, а, соответственно, от числа респондентов в женской и мужской группах) - придерживались некоторого диапазона фабул. Мы соотносили их с теми, которые были определены нами с учетом мнений экспертов.

Перейдем к распределению текстов по фабулам.

Любовь: счастливый финал. Сюжеты описывают любовные отношения героев, переходящие в традиционный «хэппи энд». Их 84 - 23,1% от общего числа.

Жили-были 2 ластика: Боб и Джессика. Боб был прекрасен. Он был совсем новенький и им еще ни разу не пользовались. Он не видел еще никого кроме себя, хотя думал, что в него влюблена Джессика. Ведь на него обращали внимание все девушки-ластики. В один прекрасный момент хозяин взял Боба и начал яростно стирать все им, и от него стали отворачиваться красавицы-ластики. И тогда только одна Джессика, кот его действительно полюбила, осталась с ним. И тогда Боб понял, что самое главное в жизни - это искренние чувства, а не обманчивый внешний облик. Сейчас Боб и Джес вместе, они счастливы и готовятся стать родителями. (Ж., 19).

В чудесной стране рос цветочек, и он очень любил солнышко. Цветочек очень скучал по солнышку ночью и винил луну, что та не дает радоваться ему, быть с любимым солнцем, но каждое утро они встречались, и солнце и цветок были счастливы!

Но, однажды, цветочек сорвала маленькая девочка и цветок подумал, что больше не увидит свое солнышко, но девочка поставила цветок на окошко и они снова увиделись! И были счастливы! (Ж., 18).

Жили - были ручка и карандаш они очень любили друг друга. Жили долго и счастливо. (Ж., 18).

Две скрепочки были похожи друг на друга, сцепились-полюбились и жили долго и счастливо. (Ж., 18).

Поскольку все обстоятельства, обеспечивающие счастливый финал, предпосланы, и сами персонажи усилием для достижения счастья не прикладывают - мы отнесли их к внешне детерминированным стереотипным.

Любовь: трагический финал. В сюжете текстов присутствует тема смерти (исчезновения, гибели) одного из героев или смерти обоих героев. Таких текстов 14 - 3,9% от общего числа. (Заметим, что к этой группе были отнесены только те истории, в которых трагедия происходит в контексте любовной фабулы. Некоторое количество текстов, и это особенность мужской группы, содержат трагический финал истории не любовных, а дружеских отношений).

Жили-были карандаш и ластик. Карандаш очень любил ластик и специально делал ошибки, чтобы чаще встречаться с ластиком. Но однажды ластик стерся. Совсем. Потому, что карандаш сильно соскучился по ластiku и наделал слишком много ошибок. Карандаш не смог пережить этого и сломался. (Ж., 19).

Жили-были две машины: одна красная, другая синяя. Любили они друг друга и были счастливы. Но в один прекрасный день, красная машина влюбилась в белую. А когда узнала об этом синяя машина, то она сломалась и умерла от неразделенной любви. (Ж., 19).

Мел влюбился в доску (буквально - «в доску»). И все писал ей на ней о ней же. И все стихами. Писал, пока не стерся. Стерся и умер. А она чувствовала только какое-то трение. Что-то скребло ее поверхность, а потом перестало. Так и не понимала, пока перед ней случайно не поставили зеркало. (М., 19).

Свеча и огонь созданы друг для друга и их любовь всегда рождала свет. Так они и светили, пока не сгорели. А свет разлетелся и вернуть их к жизни никак не мог. (М., 18).

Жили-были: футбольный мяч и кеды. Они каждый день проводили вместе много времени. Их связывали любовь, верность и дружба. Они его направляли и давали скорость, а

он летел, катился, прыгал. Но потом с одним из них случилась трагедия: мяч после сильного удара наткнулся на штырь, торчащий из забора. И его не стало. (М., 18).

Трагический финал, как правило, представлен либо как случайность, либо как судьба - это внешне детерминированные варианты событий.

Мы ожидали, что в этой группе в силу известных социально-возрастных особенностей сознания (уровень образованности и юношеская рефлексивность) могут обнаружиться более глубокие варианты суицидально-танатических переживаний: любовь как риск потери индивидуальности и ментальная смерть, а в случае неразделенного чувства и обесмысливания жизни - и смерть физическая. (Эта сторона субъективных переживаний и способы их выражение представлены в исследовании Е.А. Выгинной, использовавшей иной вариант культурной провокации [4]). Но в полученных нами текстах есть лишь констатации: «А когда узнала об этом синяя машина, то она сломалась и умерла от неразделенной любви» или «Потому, что карандаш сильно соскучился по ластик (напомним: который стерся по вине карандаша - М.С.) и наделал слишком много ошибок. Карандаш не смог пережить этого и сломался».

Любовь как проблема: открытый финал. Тексты этой группы относительно малочисленны (22 чел., 6% от общего числа историй), но наиболее оригинальны и целостны в соединении размышления и переживания - они содержат метафорически-обобщенное обозначение проблемы. Все они, наряду с отнесением к этой фабуле, ранее были отнесены к категории «человек - человек».

Шкаф, хотя он и деревянный, не растет в лесу, не покрывается зеленью весной и не дает семена осенью. Чтобы оставаться шкафом, он должен стоять в комнате, вне комнаты он даже не совсем шкаф - он выброшенный хлам. (Поди докажи в этой ситуации, что ты не рухлядь).

Комната тоже не может оставаться пустой. Ее внутренний мир - это интерьер.

Короче - они были созданы друг для друга, а их встреча была счастьем.

Точнее, могла бы быть счастьем. Но в комнатах живут странные своевольные существа - это люди. Они решают, какого цвета обои будут в комнате и где должен стоять шкаф. А вот так, чтобы оставить все как есть и пусть само все встанет на места и поклеится как хочет - этого не дождешься. (Ж., 19).

Стрела и мишень. Она была целью. Нельзя было промахнуться и просто потеряться в траве. Мишень была желанна, она притягивала своим совершенным рисунком, простой и прекрасной формой. Цель жизни - попасть в цель. Это так очевидно.

Прилетела, воткнулась, остановилась, застряла. Пробила насквозь, взглянула с обратной стороны - не то! Зачем летела? Куда спешила?

А вообще-то чувство полета замечательно, оно значительно лучше ощущения застревания. Может оно того стоило? (Ж., 20).

Ножницы резали бумагу и получались причудливые линии. Бумага обретала форму. Она так любила эти моменты и была податлива и покорна. Но когда ножницы отвлекались на что-то другое, бумагу заливало чувство ревности и ей казалось, что она от этого почернеет. Но она не чернела, а ножницы рано или поздно возвращались, хотя замыслами своими не делились.

Что у них на уме, бумага не знала. А вот ведь изрежут, и что тогда? Надо будет искать, к чему приклеиться? (Ж., 20).

Жил человек-робот из стали, в сером мире, где не было ничего абсолютного, ничего чистого, натурального, все было с примесью. Он существовал, не зная, зачем он здесь и для чего. Однажды, он увидел лежащую на земле сломанную игрушку. У нее были треснуты глаза и оторваны руки. Глядя на поломанное создание, он увидел сходство между собой и этим серым грязным, одиноким созданием. Он поднял ее и пошел домой. Он дал ей простое имя, пришел руки, заштопал лицо, починил глаза. Они жили в железном мире, сером, грязном мире, создавая тепло и свет друг для друга. Так шли годы, а они никак не понимали, что им делать друг с другом. Но однажды они обнявшись улеглись спать и проснулись одним существом с разными тканями, но с единой душой. Это было странное существо с железным скелетом лицом грязной игрушки с заштопанным глазом. Но это замечали только посторонние, а они, когда отражались в окнах, по-прежнему видели, что их двое. (М., 18).

Во всех историях, включая последнюю из приведенных здесь, граничащую с китчем, так или иначе отражена проблема построения собственной формы отношений, не воспроизводящей клише и стереотипы. Тема отношений проблематизируется, а не представляется как «сама собою разумеющаяся».

Одиночество. Тексты содержат это переживание и сопряженные с ним чувства тоски, грусти одного или обоих героев (20 текстов, 5,4%).

Фиалка и кактус. Хорошо было бы вместе. Он колючий - только сунься. Она нежная - не притронься. Почему бы не расти на одном подоконнике. Так ведь нет!

Она долго, больше года смотрела на него через окно своего дома, через улицу, сквозь ветви деревьев, через окно его дома... Однажды его хозяйка (фиалка уже узнавала ее) сняла его с подоконника. Потом открыла дверь, вышла, пошла через улицу... Но свернула за угол и исчезла... (Ж., 20).

У мела есть доска, у карандаша - бумага, у кисти - холст, у струны - смычок.

А если у тебя никого нет, то откуда ты узнаешь, кто ты такой? (М., 19).

В кафе они встречались утром и не расставались до закрытия. Он был столom в самом удобном углу - и улица видна и музыка негромко и не на проходе. Его любили, приходили, сидели, болтали. Он знал множество историй и анекдотов, и даже понимал немного английский, немецкий и французский.

А она была салфеткой в руках официанта. Она его вытирала, смахивала крошки и иногда слышала какие-то обрывки разговора. Она старалась задержаться рядом и понять, чем он живет, но полностью понять так и не могла. (Ж., 21).

Одиночество ни в одном из текстов не было предметом целенаправленного поиска и желаемым результатом, напротив, оно предмет избегания. Оно определялось свойствами

предметов или развитием ситуации - это истории, в которых жизнь персонажей предопределена.

Дружба - описание дружеских взаимоотношений героев, в основном не имеющих оттенка романтического или интимного (207 историй, 57%).

Жили - были чайник и утюг. Они жили дружно, всегда улыбались окружающим им предметам. Это были два заядлых друга. Их все называли “Не-разлей-вода”!

Как-то чайнику подарили фотоаппарат. И тут понеслось! Множество различных снимков утюга, их вместе. Они счастливы быть друг с другом. Им хорошо, спокойно вместе. Лучшие друзья! (Ж., 19).

Была ручка и штрих. Они были лучшими друзьями и всегда друг друга поддерживали, и любили всегда смеяться и шутить. Но все окружающие их предметы говорили, что между ними не может быть дружбы потому, что они разные. о все окружающие их предметы говорили, что между ними не может быть дружбы потому, что они разные. Но не смотря на них, они все равно дружили, не обращая внимания, что говорили окружающие! (М., 19).

Одна девочка очень любила собирать сказочные игрушки. Волшебные музыкальные куклы, выполненные искусными мастерами. Самым первым был Эльф с фиолетовым плащом, шляпой, голубыми глазами и белоснежными волосами. Эльфу нравилось как девочка заботилась о нем, а за это он выполнял ее мечты, нашептанные ему на ухо.

Эльфу хотелось иметь друзей потому, что ему одиноко было сидеть на полке. Девочка знала это, и под новый год на полке появился сказочный шут. На нем был розовым костюм с сияющими блестками. На его лице была добрая улыбка, дарящая хорошее настроение. Они очень быстро подружились, чему девочка была очень рада. Прошел уже целый год и теперь эльф и шут уже вместе мечтали о новых друзьях. (Ж., 19).

История о телефоне и зарядном устройстве.

Жил-был телефон и был у него лучший самый преданный друг. Однажды телефон оказался в дали от дома на долгое время. Вдали от дома он безумно тосковал по своему другу, они были неразлучны, он не мог представить жизни своей без него. Экран его становился тухлее с каждым часом, интернет грузился все медленнее... и он угас, отключился. Казалось, что это конец. Но по счастливой случайности телефон привезли домой, где его уже дожидался его самый верный друг - зарядное устройство. И тут, когда они были вместе, когда два близких друг другу воссоединились вновь - телефон ожил. (Ж., 18).

В большинстве текстов этой группы дружба представлена как данность или заданность: там, где двое - там дружба. Рефлексия оснований дружбы либо отсутствует, либо редуцирована.

Разлука. В сюжетах встречается тема переживания разлуки между героями, причем она может быть преодолена к окончанию истории (16 историй, 4,4%).

Жил Стул, однажды в одном красивом доме и через некоторое время он переехал в другой менее красивый и познакомился там со шкафом. Они очень долгое время общались и не

могли уже быть друг без друга. Когда стул на несколько дней разлучили со шкафом, он очень плакал и страдал, скучал. Они уже вместе 3 года и больше они не разлучаются. (Ж., 18).

Досадно слышать: «Тебя никто не спрашивает». Досадно, когда все объяснения сводятся к формуле: «Так надо».

Они были очень близки. Практически - одно целое. Да, разные.

Она - шоколадная конфета. Он - франтоватый фантик.

Ее съели. Его выбросили. (М., 19).

Висели на ветке два листочка. Она желтенька, он красненький. И не знали, что это осень. Подул ветер, и они разлетелись. Всё - разлука. И ни один ветер не поднимет их назад и не прилепит на то же место. (Ж., 19).

Разлука, также, как и одиночество, не предмет вожеления персонажей, она результат обстоятельств.

В приводимую ниже описательную статистику мы включили упомянутые 363 текста, в которых предметы были представлены как одушевленные персонажи, а истории соответствовали введенным нами категориям и фабулам (тексты, отнесенные к группам «Вещно-натуралистическая» и «Другое», при распределении по фабулам, не рассматривались и не учитывались).

Наибольшее количество текстов (207 чел. 57%) содержат тему дружбы. В отличие от категориального распределения, где «дружба» была объединена с «функциональной совместимостью» (204 чел., 47,7%), при распределении по фабулам мы добавили в эту группу те тексты, где дружба стала основным содержанием и представлена явно (отнесенные ранее к категории «человек - человек») и не включали те, в которых совместимость или поиск партнера в явном виде с темой дружбы не ассоциировались, которые содержали скорее функционально-техническую транскрипцию.

Второе место по частотности занимает фабула любви (120 текстов, 33% от всех текстов с персонажами), представленная счастливым финалом (84 чел., 23,1%), трагическим финалом (14 чел., 3,9%) и размышлениями над проблемами любви притчевого или эссеистского характера (22 чел., 6%).

Тексты со счастливым финалом романтических отношений наиболее стереотипны и клишезированы как в описании персонажей, так в построении сюжета, что уже было отмечено при распределении историй по категориям.

Темы разлуки и одиночества встречаются относительно редко, но в этих группах есть аффективно заряженные и, одновременно, креативные тексты - это не китч, это субъективно своеобразное единство переживания и воображения.

В границах женской группы воспроизвелось то же распределение фабул, что и в выборке в целом: первое место по частотности - фабула дружбы (108 чел., 47%), второе - фабула любви (95 чел., 41,3%) со значительным преобладанием (70 чел., 30,4%) счастливого финала.

В мужской выборке лидируют тексты, относящиеся к фабуле «дружба» (их 99 - 75,1%), за ними следуют тексты о счастливой любви, но их заметно меньше - 14 текстов, 10,5% от общего числа в этой группе.

При сравнении женской и мужской групп выборки обнаружилось следующее.

Фабула дружбы преобладает в мужской группе (75,1% против 47% в женской). Фабулы любви (во всех трех вариантах), как и ожидалось, преобладает в женской группе (41,3% против 18,8%), причем в ее счастливом варианте (30,4%).

Фабулы одиночества и разлуки в большей мере разрабатывались представительницами женской группы:

- «одиночество» - 15 человек (6,5%) в женской группе и 5 человека (3,8%) в мужской группе;
- «разлука» - 12 человек (5,2%) в женской группе и 4 человек (2,3%) в мужской группе.

Далее мы соотнесли распределения текстов по категориям и по фабулам во всей выборке (таблица 1) и отдельно в женской группе (таблица 2) и в мужской группе (таблица 3).

Таблица 1

Соотношение показателей категорий и фабул, полученных в истории «Два предмета» по выборке в целом

Фабулы \ Категории	Функциональная совместимость и конгруэнтность	Рыночная транскрипция	Стереотипы и клише интимно-личных отношений	Отношения «человек-человек»	Всего
Любовь: счастливый финал	–	154,1%	6718,5%	2 0,5%	84 чел. 23,1%
Любовь: трагический финал	–	–	9 2,5%	5 1,4%	14 чел. 3,9%
Любовь как проблема: открытый финал				22 6%	22 чел. 6%
Одиночество	10 2,8%	1 0,27%	7 1,9%	2 0,5%	20 чел. 5,47%
Дружба	190 52,3%	2 0,5%	8 2,2%	7 1,9%	207 чел. 57%
Разлука	4 1,1%	–	10 2,8%	2 0,5%	16 чел. 4,4%
Всего	204 чел. 55,6%	18 чел. 5%	101 чел. 29%	40 чел. 10,2%	363 чел. 100%

Распределяя тексты сначала по категориям, а затем по фабулам, мы получили три наиболее многочисленных группы.

Самое распространенное сочетание - это «функциональная совместимость» и «дружба» - 190 текстов, 52,3%. Основное содержание - рационализация дружеских отношений, придание им смысла «дружбы на пользу общему делу». Т.е. в основании дружеских отношений не критерий общих смыслов и единства переживаний вплоть до эмпатии, а предметно-функциональные критерии совместимости, позволяющей функционировать более эффективно. В фабульно-сюжетной проекции это представлено как движение от плохой согласованности к хорошей или, в более острых вариантах, - как переход от конкуренции и соперничества к объединению усилий для достижения общей цели. (Часто - для мирного времяпрепровождения).

Вторая по многочисленности группа - 67 историй, 18,5% - определилась на пересечении категории «стереотипы и клише интимно-личных отношений» и «любовь: счастливый финал». В основе этих историй самоуверенная гипостазированная формула - «там, где двое там любовь, а где любовь там счастье». Тексты собрали множество идиом, составляющих клише обыденного сознания. Если в предыдущей группе, хотя и редуцировано, но все же представлена

динамика дружеских отношений, то в этой группе «любовь» актуализируется «сразу и навсегда» - «жили они долго счастливо...».

Третью по численности группу из 22-х (6%) - пересечение концептов «отношения «человек-человек» в их переживании и рефлексии» и «любовь как проблема: открытый финал» - составили истории, в которых явно и рефлексивно была представлена проблема зависимости и свободы в контексте интимно-личных отношений. Тексты, отнесенные в эту группу, были оценены по трем показателям: гендерная поляризация персонажей (это ОН и ОНА, о чем сразу заявлено в начале историй, проблемность ситуации и отсутствие финала как в духе «хэппи энд», так и трагического. (Интересно, что гендерная поляризация несомненна и прочитывается даже в тех историях, где род имен существительных женскому роду или мужскому роду не соответствует).

Исход ситуации остается открытым, неопределенным. Особенность этих текстов - сосредоточенность на проблеме и отсутствие тех побочных ассоциаций, по которым эти истории можно было бы соотнести с другими категориями - «функциональной совместимости» или «рыночной».

Таблица 2

Соотношение показателей, полученных в женской группе (составлено авторами)

Категории	Функциональная совместимость и конгруэнтность	Рыночная транскрипция	Стереотипы и клише интимно-личных отношений	Отношения «человек-человек»	Всего
Любовь: счастливый финал	–	9 4%	60 26%	1 0,4%	70 чел. 30,4%
Любовь: трагический финал	–	–	6 2,6%	2 0,8%	8 чел. 3,5%
Любовь как проблема: открытый финал	–	–	–	17 чел. 7,4%	17 чел. 7,4%
Одиночество	5 2,2%	1 0,4%	7 3%	2 0,8%	15 6,5%
Дружба	99 43%	2 0,8%	7 3%	–	108 47%
Разлука	4 1,7%	–	7 3%	1 0,4%	12 5,2%
Всего	108 46,9%	12 5,2%	87 37,8%	23 10%	230 100%

Таблица 3

Соотношение показателей, полученных в мужской группе (составлено авторами)

Категории	Функциональная совместимость и конгруэнтность	Рыночная транскрипция	Стереотипы и клише интимно-личных отношений	Отношения «человек-человек»	Всего
Любовь: счастливый финал	–	6 4,5%	7 5,2%	1 0,7%	14 чел. 10,5%
Любовь: трагический финал	–	–	3 2,3%	3 2,3%	6 чел. 4,5%
Любовь как проблема: открытый финал	–	–	–	5 3,8%	5 чел. 3,8%
Одиночество	5 3%	–	–	–	5 чел. 3%
Дружба	92 74%	–	–	7 5,3%	99 чел. 75%
Разлука	–	–	3 2,3%	1 0,7%	4 чел. 3%

Категории	Функциональная совместимость и конгруэнтность	Рыночная транскрипция	Стереотипы и клише интимно-личных отношений	Отношения «человек-человек»	Всего
Фабулы					
Всего	97 77%	6 4,5%	13 9,7%	17 9%	133 чел. 100%

Транскрипция исходного стимула в тему дружбы в мужской группе по сравнению с женской обнаружила себя как значительно преобладающая.

Итог

Материалы, полученные посредством этой техники, позволяют фиксировать следующее.

Удалось получить спектр результатов в диапазоне от стереотипных реакций до оригинальных, креативных откликов.

Анализ текстов был проведен по следующим показателям:

- натуралистическое описание реальных вещей без их «одушевления» и проецирования образов человеческих отношений;
- «одушевление» предметов и их превращение в действующие и переживающие персонажи.

Тексты, соответствующие первому показателю, нами далее не рассматривались, а тексты с персонажами были распределены в соответствии с намеченными категориями и фабулами.

Общий массив проанализированных материалов составил 363 текста. По сочетаниям категорий и фабул образовались три существенно преобладающие группы.

Наиболее часто встречающееся сочетание - 190 текстов из 363-х, 52% - соединение категории «функциональная совместимость и конгруэнтность» и фабулы «дружба».

В подавляющем большинстве события построены в последовательности «оказались вместе - пытались соперничать - поняли, что лучше дружить - подружились» или - в редуцированном варианте - «оказались вместе и подружились».

Мы не проводили дополнительных дифференцировок в этой группе, но можем констатировать, что она неоднородна. Отмеченное типичное описание событий в большей степени обнаружилось в женской группе. В мужской группе представлены и альтернативные варианты - соперничество, стремление уничтожить соперника или конкурента, вражда и месть, доведенная до трагического финала. Но варианты благополучного исхода - установления дружеских отношений преобладают и в этой группе.

Мы полагаем, что столь значительный «дрейф» ассоциаций в этом направлении показывает сохранение понимания отношений, преимущественно продолжающее и функционально закрепляющее новообразования подросткового возраста. Основной субъективный критерий «хороших отношений» - поддержка и взаимовыручка, готовность прийти на помощь.

На втором месте - 67 из 363-х, 18,5% - тексты, сочетающие категорию «стереотипы и клише интимно-личных отношений» и фабулу «любовь: счастливый финал».

Стереотипы в этой группе - «любовь с первого взгляда», «любовь и счастье», «жили они долго и счастливо и умерли в один день» - известные самоуверяющие формулы, не требующие рефлексии и обоснования. Фабула, в ее «счастливом» варианте: «увидели друг

друга или оказались рядом - понравились друг другу, влюбились - стали счастливо жить вместе».

На вторую позицию истории с таким сочетанием «перетянула» женская группа респондентов, в которой такие тексты составили 26% от всего материала в женской группе. В мужской группе обнаружилось всего лишь 5,2% таких текстов от их количества в группе. (В мужской группе 74% историй - тексты о совместимости, взаимопомощи, вражде и дружбе).

Если расширить границы и рассмотреть тексты, содержащие тему любви не только в ее безусловно счастливом варианте, то можно констатировать следующее. Тема любви представлена в 120-ти историях (33% от анализируемого массива), позиции персонажей в них имели гендерную поляризацию - это отношения женского персонажа и мужского персонажа.

Сочетание темы счастливой любви и стереотипов и клише в ее оформлении - это 67 текстов из 120-ти - 55,8%, остальные любовные истории не были отнесены к стереотипным, они квалифицировались по другим основаниям.

Третье место в общем наборе текстов - 22 текста, 6% - истории, в которых прямо представлена проблема интимно-личных отношений «человек - человек».

Основное отличие от стереотипных вариантов состоит в проблематизации темы: это не применение привычных гипостазированных формул, а размышление над содержанием переживаний, над трансформацией этих переживаний, причинами и следствиями. В текстах отражена драма отношения, с одной стороны, предначертанности и предзаданности и с другой стороны, свободы и ответственности персонажа в совершаемом поступке. В ряде текстов авторы обсуждают преодоление персонажами их вещно-функциональной фиксированности, их выход из «круга вещей-объектов» в «круг субъектов». Мы предполагаем, что такая транскрипция исходного стимула, такая ориентировка в теме интимно-личных отношений и такое ее осмысление, в большей степени соответствуют содержанию и форме рефлексивного сознания в юношеском возрасте, чем ориентировка, построенная по форме «дружбы для общего дела» - более соответствующей стереотипам сознания в подростковом возрасте [1, 16, 30, 36].

«Рыночная» транскрипция была обнаружена в 18-ти текстах (5% от всей выборки). В 15-ти из них (4,1% от всей выборки) представлена тема любви, по крайней мере, отношения персонажей определяются авторами именно так. В большинстве текстов (12 из 18-ти) мы усмотрели иронию и эпатаж, что позволяет нам сделать предположение о рефлексивном отношении авторов к такой транскрипции. Мы не можем судить о том, склонны ли авторы к такой ориентировке в отношениях или критически относятся к этому варианту, но можем утверждать, что эти 12 респондентов (7 человек в женской группе и 5 в мужской), давшие такую транскрипцию, осознанно разрабатывали образы персонажей и канву событий. Эти тексты не стереотипны.

Фабулы одиночества и разлуки были представлены соответственно в 20-ти (5,4%) и 16-ти (4,4%) текстах. В стереотипных вариантах эти фабулы представлены просто констатациями внешних обстоятельств. В вариантах, отнесенных к категории «человек - человек» (4 текста, из которых 3 - в женской группе) представлены описания переживания и преодоления.

Основной итог этой работы - обнаружение разрешающих возможностей столь неопределенного и малоинтервентного стимула и сензитивности молодых людей этой социально-возрастной когорты к такому взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев А.С. Подросток глазами философа // Философские основания понимания личности. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - С. 480 - 545.
2. Бочавер К.А. Романтические отношения в юношеском возрасте; представления о преодолении трудностей: Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 2012. - 198 с.
3. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. - М.: Фирма «Издательство АСТ», 1999. - С. 24 - 121.
4. Выгинная Е.А. Я-нарратив как отражение отношения человека к субъективному миру в представлениях социально благополучных и наркозависимых респондентов // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/12PSMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
5. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1982. - С. 103 - 108.
6. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1984. - С. 5 - 90.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа. - М.: «Мысль», 1977. - 471 с.
9. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления: Сб. переводов с нем. и англ. / Под ред. А.М. Матюшкина. - М.: Прогресс, 1965. - С. 86 - 235.
10. Жуланова И.В., Медведев А.М. Прототипы субъектного действия // Культурно-историческая психология. 2010. №1. - С. 18 - 26.
11. Жуланова И.В., Медведев А.М. Психологическая реальность субъектного действия // Культурно-историческая психология. 2011. - №1. - С. 63 - 70.
12. Жуланова И.В., Медведев А.М. Становление субъектного действия // Культурно-историческая психология. 2011. №4. - С. 47 - 53.
13. Зинченко Ю.П. Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №5. 2003. - С. 53 - 61.
14. Зинченко Ю.П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. Монография. - М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2003. - 144 с.
15. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. - СПб.: Наука Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. - 528 с.
16. Кон И.С. Психология ранней юности. - М.: Просвещение, 1989. - 256 с.
17. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.42. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - С. 41 - 151.
18. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. - М.: REFL-book, 1994. - 368 с.
19. Мачульская О.И. Тема любви в этической концепции И. Канта // История философии, №5. - М.: ИФРАН, 2000. - С. 92 - 101.

20. Медведев А.М. Ранняя юность: самосознание и жизненная перспектива. - Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2008. - 204 с.
21. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Наукоеведение», Том 7. № 2 (январь - февраль 2015) [Электронный ресурс] - М.: Наукоеведение, 2015. - Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (доступ свободный). - Загл. с экрана. - Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
22. Медведев А.М., Сивишкина М.Е. Субъектность и личные теории в построении интимно-личного отношения в юношеском возрасте // Психология обучения. 2013. №6. - С. 103 - 117.
23. Медведев А.М., Сивишкина М.Е. Модель акта развития как средство анализа задачи построения интимно-личного отношения // Психология обучения. 2013. №10. - С. 28 - 43.
24. Медведев А.М., Судьина И.С. Риски взросления в самосознании молодых людей пятнадцати и двадцати лет // Психологическая наука и образование. - 2009. - №2. - С. 12 - 22.
25. Медведев А.М., Судьина И.С. Кризис юности и его рефлексивное опосредование // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки». №1 (35). 2009. - С. 181 - 185.
26. Нежнов П.Г., Эльконин Б.Д. Ритм развития в периодизации Д.Б. Эльконина // Педагогика развития: социальная ситуация развития и образовательные среды. - Красноярск, 2006. - С. 24 - 28.
27. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 148 с.
28. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. - СПб.: Питер, 2003. - 512 с.
29. Сивишкина М.Е. Техники культурной провокации в исследовании стереотипов любви и семьи в сознании современных студентов // Сибирский психологический журнал. 2015, №56. - С. 177 - 192.
30. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. - М.: Школьная Пресса, 2000. - 416 с.
31. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - 571 [5] с. - (Philosophy).
32. Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.
33. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://lib100.com/book/iwar/men_the_manipulator.
34. Эльконин Б.Д. Психология развития. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 144 с.
35. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Политиздат, 1986, - 639 с.
36. Эриксон. Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Флинта, 2006. - 342 с.

Sivishkina Margartia Evgen'evna

Russian academy of national economy and public administration under the President of Russian Federation
Volgograd institute of management (branch), Russia, Volgograd
E-mail: sivmare@mail.ru

The orientation in intimate-private relations as a subject of psychological empirical research

Abstract. The article describes approach of investigating the orientation of young people of student age in sphere of intimate-private relationships. Substantiated and described technique called cultural provocation; respondents were provided to write a history of two subjects. In result we got texts which were analyzed as answers for an indefinite stimulus: describing things or describing behavior and animate characters' feelings. We used the construction «utilitarian reification - human-valuable» to analyze the results, by this construction we could detect definite range of responses and to conduct an expert assessment. There are examples of results, which we got during empirical research and descriptive statistics. The main result is finding not only stereotypical patterns men and women's relationships, but original, conscious-reflective responses, which problematize the relationships' meaning.

Keywords: intimate-private relationships; utilitarian reification - human valuable; technique of cultural provocation; nominative content analysis; distribution plots; love; friendship; relationships